

© 2021. О. Л. Фетисенко
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Письма Н. С. Соханской (Кохановской) как опыт «духовной автобиографии»

Аннотация: Продолжая изучение жизни и творчества Кохановской (Н. С. Соханской), в данной статье автор вводит в научный оборот большие фрагменты ее неизданных писем к А. В. Плетневой (вдове П. А. Плетнева) и к М. О. Мозговой (племяннице Кохановской) и приходит к утверждению, что эти эпистолярные материалы можно рассмотреть не только как исповедальную прозу, но как образцы христианской аскетической и учительной словесности. Подобный подход к письмам Кохановской был намечен еще в XIX в. известным библиографом С. И. Пономаревым, тщетно пытавшимся заинтересовать этим сюжетом К. П. Победоносцева. Цитируемые тексты, составляющие своего рода продолжение известной автобиографии Н. С. Соханской, высоко оцененной ее литературным наставником П. А. Плетневым, как нельзя лучше опровергают суждение, прозвучавшее в одной из современных статей о Кохановской, автор которой назвала жизнь писательницы «нерадостным прозябаньем».

Ключевые слова: Н. С. Соханская (Кохановская), христианские мотивы, автобиографизм, письма, эпистолярный комплекс, воспоминания, исповедальная проза.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 14.05.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.08.2021

Дата публикации статьи: 25.12.2021

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Письма Н. С. Соханской (Кохановской) как опыт «духовной автобиографии» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-164-181>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 164–181. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 164–181. ISSN 2686-7494

Correspondence: Archival Materials

© 2021. Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Letters of N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) as an Attempt of “Spiritual Autobiography”

Abstract: Continuing the study of the life and work of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya), in this article the author introduces into scientific circulation large fragments of her unpublished letters to A. V. Pletneva (P. A. Pletnev’s widow) and M. O. Mozgova (Kokhanovskaya’s niece) and comes to the assertion that these epistolary materials can be considered not only as confessional prose, but as examples of Christian ascetic and teaching literature. A similar approach to Kokhanovskaya’s letters was outlined back in the 19th century by the famous bibliographer S. Ponomarev, who vainly tried to interest K. P. Pobedonostsev in this subject. The quoted texts, which constitute a kind of continuation of Sokhanskaya’s famous autobiography, refute in the best possible way the opinion voiced in one of the modern articles about Kokhanovskaya, the author of which called the writer’s life “a joyless vegetation”.

Keywords: N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya), Christian motives, autobiography, letters, epistolary complex, memoirs, confessional prose.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: May 14, 2021

Approved after reviewing: August 16, 2021

Published: December 25, 2021

For citation: Fetisenko, O. L. “Letters of N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) as an Attempt of ‘Spiritual Autobiography.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 164–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-164-181>

Около 200 лет назад, 17 февраля 1823 г., на хуторе Веселый в Корочанском уезде тогда Курской губернии¹ родилась Надежда Степановна Соханская, известная в русской литературе под псевдонимом Кохановская², писательница, запомнившаяся своим неповторимым языком и открытой христианской «тенденциозностью», которой не боялась. Почти всю жизнь она провела в Изюмском уезде Харьковской губернии на хуторе Макаровка, в очень бедном доме с соломенной крышей. Там были созданы повести, удивившие новизной и своеобразием лучших писателей и критиков своего времени. Несколько лет всероссийской славы сменились годами «затвора» и забвения. Однако с избранным кругом друзей-писателей, с немногими подругами, среди которых прежде всего следует назвать вдову литературного наставника Соханской (П. А. Плетнева), А. В. Плетневу, она продолжала переписываться.

После кончины писательницы (3 декабря 1884 г. от тяжелого онкологического заболевания) в печати появилось несколько некрологов. Выделим из них два. И. С. Аксаков писал о литературном значении Кохановской и о том, что «время ее придет» [Аксаков]. П. И. Бартенев, тоже знавший писательницу лично, сосредоточился на ее человеческих качествах:

Вся жизнь покойной Надежды Степановны <...> есть тернистый путь. <...> эти тернии были лишь гранильным камнем для той замечательной ясности и бодрости душевной и невыразимо-искреннего сочувствия всякому горю, которыми Н. С. отличалась. <...> После Института ее, пытливую, живую, полную священного огня зарождающегося таланта, ожидала жизнь в глухой, степной деревушке без людей, без книг, без пера, без бумаги и без копейки денег. <...> Весь дом приносился в жертву братьям, и она должна была покоряться такому порядку вещей <...>. Первые свои литера-

¹ Ныне это Белгородская область.

² См. о ней: [Платонова], [Кунильский], [Вихрова], [Фетисенко].

турные опыты покойная писала на старинных синих рапортах покойного своего отца (ротмистра и вместе казначея). Насмешки родных встретили этот молодой труд, и нужна была твердая душа покойной, вся ушедшая в Бога и самоё себя, чтоб не пасть духом, не замолкнуть на веки. Люди давали ей терния — Господь не допускал их уязвлять ее. Она шла вперед и вперед. <...> Дальнейшая жизнь дала ей всё, что не дала прежде: средства <...>¹, имя и полнейшее, глубочайшее уважение всякого, кто только знал покойную. <...> всякому, кто не только знал ее, но лишь встречал, должен был врезаться в память и запечатлеться замечательно-светлый образ ее, всегда бодрой, энергичной, полной сил душевных и не признававшей слов: хандра, апатия, усталость жизни. Много нужно иметь, чтобы так сильно и прочно привязывать к себе людей. Ни лукавства, ни хитрости, ни компромиссов не знала ее душа, чистая, как стекло. Она была всегда одинакова, слово ее было верно, она неуклонно шла путем долга, чести и совести глубоко строгой к самой себе. Она так выдавалась даже из избранных, она так высоко стояла в нравственном смысле величия своего духовного, внутреннего я, что всякий, кто ее близко знал, чувствует потерю невозвратную, утрату незаменимую. Каждая строчка ее письма, где она надежно и мягко протягивает свою крепкую руку нравственной помощи, будет, я полагаю, храниться всяким, как святыня: так много давали и делали живые слова ее замечательно-отзывчивой души. Слова о зерне пшеничном «аще не умрет, не принесет многа плода»² сказаны об таких, как она. <...>

Смерть <...> изумительно бестрепетно ожидалась покойной. <...> При первых приступах болезни покойная заказала себе в Харькове чугунный крест, при себе его поставила на родовом кладбище в саду, освятила его, указав кому и как ее хоронить. Приготовила парчи, конверты с платой трем священникам <...> даже сама разрешила платки и обернула свечи, осмотрела свое смертельное платье, бестрепетно распорядилась всем и по имени назначила кому из старух-крестьянок <...> сидеть около ее тела. Спокойно, с своей всегдашней деловитостью распорядившись земными делами, она, принимая Св. Тайны еженедельно <...> еще причастилась и, слушая чтение Псалтыря, тихо отошла к Господу, вера ее в Которого была столь крепка, как вера первых христиан. <...> Над. Ст. была такой обаятельно-прекрасной души и столь высоких качеств ума и сердца, что и всё сказанное здесь

¹ Это не так, средств Кохановской всю жизнь едва-едва хватало, чтобы свести концы с концами.

² Ср.: Ин. 12 : 24.

не может дать ясного понятия о этой редкой из редких.... Кроме добра она ничего не сделала и кроме хорошего ничего не оставила. Царство ей небесное и вечная-вечная память [Баргенов: 629–631].

Жизнь Кохановской была трудной, но настолько духовно насыщенной, что к ней никак не применимы слова современной исследовательницы, назвавшей ее «нерадостным прозябанием»¹.

Кохановская никогда не писала житий святых, но создала ряд образов праведников, из коих особо следует выделить премьер-майора Пущина, главного героя повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» (1864)². Но в этом произведении мы видим уже зрелого сложившегося человека, который праведно «живет и движется» (Деян. 17: 28), но не видим, как же он таким сделался. Значит, здесь не найдется того, что можно определить термином «духовная биография». Зато в наследии писательницы, которое, к сожалению, сохранилось далеко не полностью, мощно представлен материал автобиографически-исповедальный, позволяющий видеть ее собственное духовное взросление и даже прикоснуться к ее опыту молитвы и дару слез.

Один из древних отцов-аскетов сказал: «Если ты приобрел способность плакать в молитве, значит, Бог коснулся твоих сердечных очей, и ты прозрел умом»³. Эта способность была выстрадана будущей писательницей еще в детстве — в первых классах института, когда она находилась в положении Золушки, гонимой злой мачехой. Получив опыт слезной молитвы и скорой помощи *по молитве*, с ним Надежда Степа-

¹ «Проповедь “смирения” была, видимо, связана с безвыездной жизнью писательницы в глухом захолустье и личными причинами — внутренней потребностью скрашивать нерадостное прозябание верой в необходимость страдания и уничтожения своей личности» [Александрова: 96].

² В. А. Викторovich оценивает эту повесть как литературный провал Кохановской и тем не менее подчеркивает тесное родство образа главного героя с появившимися вскоре в русской литературе «положительно прекрасным человеком» Достоевского (князем Мышкиным) и праведниками Н. С. Лескова [Викторovich: 239]. Добавим любопытную деталь: сам термин «положительно прекрасный» впервые встречается именно у Кохановской – в письме к А. В. Дружинину от 22 октября 1857 г. [Письма: 293]. О повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» см: [Фетисенко: 196–224].

³ Эти слова св. Марка Пустынника привел св. Григорий Палама в своих «Триадах...» [Григорий Палама: 182].

новна прошла всю жизнь. «Всё мое я должна вымолить у Бога», говорила она [Фетисенко: 65]. Между прочим, эта практика была перенесена ей и в творчество: горячая молитва — вслушивание — исполнение.

Исповедальная проза Кохановской — это ее письма близким людям. И даже написанная в молодости подробная и беспристрастная автобиография [Соханская 1896]¹, так поразившая в свое время П. А. Плетнева глубиной самоанализа, создавалась фактически как «приложение» к адресованным ему письмам [Пономарев 1896: 471–473]. Между прочим, в конце этого сочинения Соханская перешла на язык поэзии. Одно ее стихотворение приводилось в автобиографии целиком, другие два лишь цитировались, и все они говорили о *пути на небо*.

Люблю: за облаком разбитым,
 Остатком тучи громовой,
 Трепещет солнца луч, повитый,
 Как ангел, белой пеленой;
 Мне сладко, и с слезой без имя,
 Без объясненья на губах,
 Как с другом, об одной святыне
 Я льюсь в таинственных словах —
 Когда луна на своде темно-синем
 Мелькнет, как тень, в полночные часы
 И, будто пленница пред грозной силой,
 Идет показывать унылые красы,
 И тих так шаг! и без лучей сиянье!
 И грустно мне: куда идет она?
 И всё к земле, как в мир обетованья,
 Всё эти два блестящие рога?...
 Зачем к земле? — Над головою небо
 В звездах, без грани, — не к нему?
 Зачем к земле, к кусочку хлеба? —
 Не к небу своему?..

¹ Полные выходные данные первой публикации: Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) (род. 1823 г. февраля 17; скончалась 1884 г. декабря 3) // Русское обозрение. 1896. Т. 39, июнь. С. 480–488; Т. 40, июль. С. 5–27; авг. С. 477–483; Т. 41, сент. С. 5–21; окт. С. 479–495; Т. 42, нояб. С. 64–108; дек. С. 595–632.

А как я люблю людей, — всех, всех до одного люблю! Бог, Отец наш, щедр; у всякого из нас есть своя доля добра и красоты; только надобно поискать ее, а этого-то мы и не делаем, потому что не любим друг друга. Как можно ненавидеть человека? Я не знаю, не понимаю чувства ненависти, — какое оно? как это *хотеть* нанести зло человеку? <...> Я многого еще в жизни не понимаю, и потому не люблю головы, что она так напролом идет наперекор сердцу и благодати чувств. <...> Я не говорю этим, чтобы не было минут, когда голова томительно тяжела, а сердце до краев полно; но в подобные минуты я привыкла скорее отдавать свое сердце Богу и наклонять эту тяжелую голову всё ниже и ниже к самой земле.

Пред Богом — перед Ним
Смирися с детской простотою,
И с сердца грусть слетит, как дым.

Когда я была маленькая, мне всё хотелось знать: что там, где небо сливается с землей? — Теперь я знаю, что там — *могила*, конец всему: нижняя доска ее уперлась в землю, а верх — в светлом, голубом небе. Ждет нас и дождетя всех святая могила. Но пока надо жить — жить и

Вперед, вперед! Всё гладко под ногами,
Все горы сровнены Всевышнего рукой;
Любовь Его раскинулась над нами

Прелестной чистою лазурью неземной [Соханская 1896: 191–193].

Писем Соханской, сравнительно с тем, сколько их было, судя по числу корреспондентов, поименованных в описи ее домашнего архива, составленной в середине 1890-х гг. [Пономарев 1898], сохранилось немного, но среди уцелевших — в архивных фондах ее адресатов — есть уникальные эпистолярные комплексы, такие как, например, письма к И. С. Аксакову [Семья Аксаковых], А. Ф. Тютчевой (Аксаковой), С. И. Погодиной (второй жене М. П. Погодина) или (один из самых ценных) — письма к А. В. Плетневой за 35 лет жизни (1849–1884)¹, с единственным перерывом с осени 1856 г. до ноября 1859 г. (не сохранилось также писем и за 1860 г.). Последний комплекс, например, составляет восемнадцать с половиной авторских листов превосходного текста, т. е. полновесную книгу, и это поистине исповедальная проза в лучших своих образцах. В письмах к Плетневой есть и воспоминания

¹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162–164. 434 л.

об институтских годах¹, и рассказы о повседневной жизни и о знакомстве (сперва эпистолярном, с 1862 г. личном — как было и с Плетневыми) с московскими славянофилами, о паломничествах в Святогорский монастырь (ныне Лавра) и Троице-Сергиеву Лавру, о праздниках, которые Надежда Степановна устраивала для соседней-крестьян, и уроках их детям и т. п. Из одного письма мы узнаем даже, во что она хотела бы быть одета. Это лишь внешняя канва, а «внутренний» сюжет — жизнь души, борьба с унынием², терпение болезней, в самом конце — неожиданное предательство племянницы (отвезя умирающую к нотариусу и получив завещание в свою пользу, та оставила ее умирать на руках соседок-крестьянок).

Кстати, именно племянница (Мария Онуфриевна Мозговая, урожденная Зенкович) на протяжении почти десяти лет тоже была постоянным адресатом писем Кохановской. И здесь перед нами образец уже не исповедальной, а — дерзну сказать — «*учительной*» прозы, уникальной, поскольку принадлежат эти «аскетические письма» женщине и мирянке. Не случайно библиограф С. И. Пономарев (именно он разбирал в 1890-х гг. архив Кохановской) призывал К. П. Победоносцева издать выборку из этих именно писем за счет Св. Синода [Фетисенко: 291–297]. Это не удалось, и лишь в 1905 г. Пономарев опубликовал маленькую подборку [Пономарев 1905]. Вот один фрагмент из нее:

Самые плодотворные часы в духовном росте человека — те, когда он заглядывает поглубже в самого себя. Нечего смущаться, что будто ничего не делаешь, или делаешь всё такое обыкновенное: поспишь, поешь, потрудишься, посердишься, устанешь, — и опять спать ляжешь. Под этой неизбежной обыденностью жизни сколько душ воспиталось для Неба! Сознывая, что ты — не совершенство (которого, впрочем, и нет в подлунной) и проникаясь

¹ См., например, единственное посмертно опубликованное письмо: [Автобиографическое письмо].

² Ср. в письме 1856 г.: «Никто, кажется, лучше меня не умеет жить с четырьмя стенами, но верите ли? при этой погоде, при чем-то страшно угнетающем в воздухе, при невозможности, за прерыванием всех сообщений, поживиться где-либо книгою, без газет <...> ах, Боже мой! вы понятия не можете иметь о той удушающей истоме, тоске, апатии всех чувств и помышлений, которые овладевают душою» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 53 об.).

живым чувством радостного добра, которое тебе хотелось бы сделать помаленьку (в большие благодетели рода человеческого ты не забирайся!), говори сама себе в просыпающемся ощущении нового дня: «Господи! Помоги мне сделать что-нибудь хорошее, маленькое хорошее, и не сделать дурного!») — и начинай делать свои маленькие житейские дела просто, с охотой, с покорностью необходимой злобе дня, и поверь, что день твой выйдет отраден. Нужно только не погрязать в этих мелочах, не отдаваться им всей душою и думать о добре... Не о великом, всемирном добре, до которого мы не достанем, а об этом маленьком-премаленьком, которое везде и всюду ждет нас, и которое все мы, без большого труда, можем делать направо и налево. Когда мы это маленькое поделаем и не перестанем делать, то воля Божия может вывести нас и на более обширный круг действий. Ищи Господа в малом твоей жизни, — и найдешь Его в великом души твоей [Соханская 1905: 347].

Невозможно не заметить, что, не говоря уже о содержании, даже стиль этого наставления близок письмам св. Феофана Затворника.

Приведем также две цитаты из не изданной С. И. Пономаревым части писем к племяннице (первый фрагмент адресован также ее мужу, В. Г. Мозговому):

(1880, марта 11). Положитесь всюю вашею преданностию на любовь Небесного Отца, Который, что ни делает в наших личных судьбах, делает к нашему лучшему, хотя это лучшее и бывает скрыто от наших детских глаз, как солнце за облаками; но каким надобно быть маленьким и неразумным ребенком, чтобы, проснувшись и не видя солнца, унывать и верить тому, что нет солнца, пропало солнце! Верьте, что Незаходимое Солнце Промысла и Любви Господней всегда стоит над нами, и в этой ласкающей и укрепляющей душу вере почерпите бодрость трудиться, искать, и вы найдете ваш колос на жизненной ниве, по непреложному слову Того, Кто сказал: «Ищите и найдете», но с одним жизненным условием: *Кто не собирает со Мною, тот всё равно что расточает*¹. Да поможет вам Господь Бог и Матерь Божия искать и найти!

(1879, марта 1). Терпи. В терпении благодать. Это наше отличие. Без снисхождения ко всем, *кроме самой себя*, нельзя мирно и благопотребно прожить на белом свете»².

¹ Мф. 7: 7; 12: 30.

² НИОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 23. Л. 3 об. – 4.

Оба фрагмента относятся к последним годам жизни писательницы, но вот письмо ее же — 25-летней девушкой:

Со мною, как и со всем в мире, будет то, что Бог даст; а что ни дает Он, Великий, то всё чудно хорошо; немножко иногда бывает горько для нашего испорченного вкуса: но у какого же моря вода не горько солонa? А то всё же таки море жизни. Пусть, чтобы ни случилось, мы подыдем свой верный парусок Терпения и наша плоскодонная лодочка <...> полетит к своей пристани, к одной пристани всем нам. Там у берега брошен якорь высокой надежды; я сама Надежда и ему не изменить мне!¹

Вернемся к письмам к А. В. Плетневой. Они менялись со временем — от более сдержанных, но от этого не менее искренних посланий к далекой и прекрасной «Александре Васильевне» (уже скоро просто «Сашеньке», но еще с обращением на Вы — «Сашенька моя милая, дитя моей преданной любви и моей молитвы»²) к беззаветно открытым разговорам «на ты» с любимой «Сашурочкой», «Плетневочкой».

20 июня 1849 г.

Благодарю вас, Александра Васильевна. — И вы нашли вкус в моих тетрадках? <...> Это ошибка Петра Александровича. Зачем вы читали или слушали их? В них слишком много грусти, много этой тяжелой истины жизни: зачем вам было и на минуту томить ими молодую душу? Бог дает счастья — к чему нам навевать на себя чужие тучи и узнавать то, от чего благодать Господня и во сне спасала нас³.

28 февраля 1850 г. (когда узнала о смерти брата)⁴:

Мой брат умер! У меня будто умерло всё; я сирота в жизни. Боже мой, Боже! я думала, что этой привязанности станет мне на всю жизнь. Это

¹ П. А. Плетневу, 14 декабря 1848 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 4 об.; письмо сохранилось в виде авторской копии, приложенной к письму к А. В. Плетневой от 20 июня 1849 г.).

² РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 46 об. (апрель 1855 г.).

³ Там же. Л. 3–3 об.

⁴ Павел Соханский умер далеко от дома, во время Венгерского похода 1849 г., но о его кончине стало известно лишь в 1850 г.

было мое солнце, моя радость, мое всё. Я думала о своем Паше, как люди думают о счастье, и Паша мой лежит неведомо где, на чужой стороне и ни родного поцелуя на твою милую, брат мой милый, твою молодую, остывшую голову! <...> слезы душат меня; кроме молитвы за упокой брата, для меня всякая мысль и молитва бессмысленна¹.

15 мая 1850 г.

...в моей бедной жизни почти всё так: когда ждешь чего-нибудь по-радостнее, на тебя — глядишь, как коршун налетело горе; а случится, что сама душа просится погрузить и поплакать, — ей откуда не возьмутся радость и такая милая, невиданная птичка вдруг пропоет ей свою сладкую, приветливую песенку...²

3 ноября 1851 г.

Институтские связи, свои ребяческие подобию дружбы; но, по выходе из Института, я лишилась и того. Вы знаете, какое обступило меня одиночество, безучастие, отсутствие всякого сочувствия. Как-то со-вестно, не говоря уже, как оно грустно, сказать: что вот столько лет, и я еще не знаю вполне дружеского пожатья руки — ни одного ошибочного раза мне не довелось поговорить задушевно, доверчиво <...> зная, что меня на половину поймут и хотя на третью долю ответят. <...> Я всегда так уединена, с детства так запугана и не ободрена жизнью. Вам не доступно это, что значит привыкнуть молчать и когда немного весело, и когда на душе до слез горько. Я даже пред Богом, в самые жаркие минуты, становлюсь только на колена, наклоняю Ему свою голову и оставляю, пусть Он сам, милостивый, читает в душе и в слезах моих.... Судите же, как всё малейшее, что дает надежду выйти из этого не должного человеку одиночества, как оно живо чувствуется, и подвигается ему навстречу вся душа...³

Уже в 1852 г. Соханская находит верные слова утешения для Плетневой, когда у той скончались сначала мать, а потом дочь-младенец.

¹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 9.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Ед. хр. 164. Л. 166.

А вскоре, в феврале 1853 г. открывает своей заочной знакомой такой нужный «рецепт» утешения, как чтение Псалтири:

...есть одна Книга, которую бы заботливая любовь моя желала предложить Вам; та книга, без преувеличивания, о которой можно сказать: что ею жили более, нежели другой всякой пищей, все святые Божии люди; о которой Златоуст сказал: что лучше не видать света солнечного, нежели не читать ее¹. Это *Псалтырь*, Сашенька, ни с чем не сравнимые песни величайшего лирического поэта всех народов ветхого и нового мира, царя — поэта и пророка. Ученый мир наш забывает о нем; Гомера величают отцом поэзии, когда вот истинный царственный ее отец: Давид, чудно укрошающий и умиляющий сладостью своих песнь бурный и смятенный дух царя Саула... И какое высокое, истинное знаменованье поэзии! <...> Вот эти-то песни, о которых забывают наши ученые, величественно помнит Церковь; стих их, как Божий дух, носится над каждым богослужением; они истинно —

Как фимиам в часы молитвы!² (Поэт Лермонтов)

Эти песни, Сашенька, милая моя, попробуйте по одной — только раз в день прочитайте для себя сегодня, завтра; пока вы не вчитались еще в дух, как и каждой новой, глубокой книги, попринудьте себя. Уверяю вас, что это будет не надолго. Три тысячи лет почти, если не самая большая, то наилучшая часть человечества твердила и душой и устами эти высокие песни; плакала и молилась по ним и в минуты тяготеющей духовной и жизненной скорби, и в высокие мгновенья восстания и возношенья духа к Творцу всего и Промыслителю. И скажу вам, что чувствую: эти песни стали не слова; а дух один животворящий и неудержимо стремящийся к Богу, освященный и призванный на них молитвенным духом стольких веков и таких многих человеческих поколений³.

¹ Во многих изданиях Псалтири на церковнославянском языке среди нескольких предисловий содержится и отсылка к этим словам св. Иоанна Златоуста. «Вопрошен бысть великий Иоанн Златоустый от братьий: добро ли есть оставити Псалтирь? Он же рече: уне есть солнцу престати от течения своего, нежели оставити Псалтирь: вельми бо есть полезно, еже поучатися псалмом и прочитати прилежно Псалтирь. Вся бо нам книги на пользу суть и печаль творят бесовом, но не якоже Псалтирь, да не нерадим» [Псалтирь].

² Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»).

³ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 20–20 об.

В том же году после перенесенной горячки Надежда Степановна делилась с Плетневой: «Мне казалось, что я схожу с ума, я начала молиться — о, чудодейственная сила молитвы! Это источник спасения, из которого пьют чашей, почерпающей радость...»¹.

Можно еще долго продолжать ряд цитат, ведь каждое письмо Соханской содержит какое-то «душеполезное зернышко», но особенной силы достигает она, желая не просто утешить, но укрепить подругу в пору ее страдания (когда стало известно о тяжелом заболевании Плетнева, от которого он позднее скончался). В подтверждение этого приведу еще одну большую выдержку из письма:

...Сашенька, взгляни <...> на твои страдания. Они уже принесли ту великую пользу, для которой они и посылаются нам. Гордость погубила нас в раю и одно *смирение* возвращает нас Богу и раю. Покорность Воле Божией первое, что мы можем принести, как плод Веры Христовой. А ты сама говоришь, что прежде — «ух! как роптала — кажется, что укусила бы свою судьбу — до сумасшествия доходило; а теперь смирил Господь пыл-то этот <...>». И потом говоришь: «Всё в руках Божиих, а мне нужно терпеть и молиться».

Расстояние между этими двумя духовными возрастами твоей души, когда ты хотела <...> укусить, если бы могла, ту высшую руку, которая располагала твоей судьбою, и ты не совсем верно и сознавала, что это за рука? — Так; судьба. Расстояние между тем и этим, когда ты говоришь: «всё в руках Божиих и мне нужно терпеть и молиться» — это такое расстояние, два такие отстоящие друг от друга духовные мира, между которыми лежит вся неизмеримая пропасть вечной гибели и вечного спасения — и ты перешла эту пропасть, напившись из чаши *страдания*, Которую поднес тебе Тот, Кто Сам пил из этой чаши и выпил ее до крестного дна. Мужайся же, любимая Богом душа! И чтобы помочь себе и зачерпнуть поглубже мужества и благодатной силы, прими, моя Сашенька — я не скажу: *мой совет*, но совет отцов наших духовных, ставших великими в благодати страдания. Они, глубоко опытные в духовной жизни, говорят нам с детскою святою простотою: «Читайте, дети, Евангелие!» Над этою простотою смеется мир, Саша. <...> Что там читать, в этой книге, которую поймет малое дитя? Там

¹ Там же. Л. 25 об. – 26 (письмо от 24 апреля 1853 г.; в конце измененная цитата из Акафиста Пресвятой Богородице — «Радуйся, Чаше, черплющая радость»).

нет пищи для нашего ума. Довольно ее знать, т. е. прочитать однажды... А этого совсем недовольно, Сашенька. Это такая книга, которую чем более читаешь, тем более она дает. <...>

И в этой святейшей, сладчайшей, глубочайшей книге есть (если смею сказать) «перл» неоцененный на самом дне ее. Это последняя предсмертная беседа Господа с учениками на Тайной Вечери в Евангелии Иоанна Глава 13 и до конца всех страданий. Ты, без сомнения, Сашенька, читала и знаешь — но *то*, что заключается в этих главах, не дается *знанию* — оно не для знания; а для *жизни в Боге*, для отрады и *мира* в Его высочайшем мире, побеждающем все наши скорби и страдания, и *для любви*, Сашенька: для взаимной, сладчайшей любви между Богом и человеком, и всех людей между собою. <...> На последней Тайной Вечери с учениками, отдавши Себя всеполно нам по плоти, готовящимся крестным страданиям и установлением на все вечные времена таинства приобщения Его Тела и Крови, — Господь Иисус, в Его торжественной молитве к Богу Отцу, точно так же всеполно отдает нам Себя и по духу Его Божества. Он отдает нам Свое высочайшее человеческое священство, отдает всю славу своего прославления на небесах и на земле — взявши наше человечество, дает нам всё совершенство и единение Божества через Свое посредство (Аз *в них* и Ты во Мне да будут *совершенно во едино*¹) и с этим воспринятым нами Божеством Он делится самым местом Своей высочайшей Славы, седения одесную Отца. Всё всеполно отдавши нам, истощивши Себя всего телесно по человечеству и духовно по Его Божеству (т. е. по полноте Его даров; а само Божество не знает истощания), кажется, Господь Иисус мог бы оставить Себе хотя одну особенную, отдельную от нас любовь Отца; но Он и этой любви не оставил и Ею Он поделился с нами. «Да *любь*, ею же *Мя* еси *возлюбил*, в *них* будет», и потом еще это всеконечное добавление, этот неисповедимый порыв Христовой любви к нам: «и *Аз в них!*»² Я буду в них не по частям, не отдельно, а всюю полнотою *Меня*, Моего человечества и Божества.

И это не одни слова, слова, слова! как говорит великий поэт; а оно есть *одно слово* вечной, непреложной Истины, Которая в самом начале нашего мира *сказала* и всё, стало быть, *повелела*, и создалось всё.

И потому-то, мой друг милый Сашенька, я приглашаю тебя на чтение этого Божия Слова — Евангелия, Которое не есть знание, а жизнь и дух

¹ Ин. 17: 23.

² Ин. 17: 26.

принимаемой благодати. И потом еще: читая о страданиях Господних, Которые дадут тебе мужество и утешительную кротость в твоих страданиях, ты встретишься там с высочайшей страдальцею, которая когда-либо была на земле... В своем письме ты говоришь о жертве Авраам<ов>¹, которую ты принесла сердцем, говоря: да будет Воля Твоя! Но ни от тебя и ни от Авраама Господь не принял всесожжения ваших жертв; а от той великой Страдальцы Он принял ее всю сполна. Поставил Ее у самого жертвенного огня — у подножия Креста, на Котором умирал измученный, опозоренный, распятый Ее Сын и Ее Бог! «Чья болезнь, как моя болезнь!» — могла по справедливости восклицать Она... И чья слава, как Ее слава теперь, честнейшей Херувимов и Серафимов, девственной Матери Бога Сына и невесты Бога Отца! Духовная грубость и узкая гордая рассудочность вообще всего протестантства удаляют Ее от ближайшего ходатайства за нас и посредничества в деле нашего спасения. Нет! Как спасение всего человечества совершилось через Нее — в Ней *воплотилось*: так точно и спасение собственно каждого из нас не может быть *мимо* Ее. Она всемогущая Ходатайница и самая милостивая посредница между Ее Сыном и грешниками. Она еще один величайший дар Христовой любви к нам: что если бы мы сами не заслуживали ни малейшей Его милости, то вот Она попросит — походатайствует за нас и Он, по Сыновней любви, не может отказать Ей и даст нам. Матерь Божия, Она всемогущая целительница всех болезней и скорбей, и какая милостивая! ищущая нас на всех путях нашей жизни, чтобы обратить, наставить, исцелить душевно и телесно и привести к Ее возлюбленному Сыну и Богу².

С. И. Пономарев писал в неизданном предисловии к задуманному им сборнику писем Кохановской: «Нельзя не проникнуться глубоким уважением, когда замечаешь, что при всей грустной обстановке Кохановской (ее одиночестве, бедности, болезнях), вера ее была всегда благоговейна и несокрушима до самой смерти. <...> В ней была сила и

¹ Свою готовность смиренно принять близкую кончину любимого мужа Плетнева сравнивала с готовностью Авраама принести в жертву своего сына Исаака.

² РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 106 об.-108 об.; Ед. хр. 163. Л. 15 (письмо от 26 ноября – 2 декабря 1863 г., окончание его оказалось в другой архивной единице). В конце приведенного фрагмента – цитата из Богородичной стихир «Непроходимая Врата...» («...и приведи нас к Сыну Твоему и Богу...»).

высота *нравственного* чувства, неразрывно связанная с крайней простотой ее появлений»¹.

Вспоминаются слова Александра Блока о научных занятиях его друга Ю. Н. Верховского (в записи от 5 мая 1911 г.): «уютное гробокопательство» [Блок: 179]. Как редко это филологическое «гробокопательство» может из «археологии» стать своего рода «обретением святых мощей». В случае же Кохановской подобное сравнение, несмотря на кажущийся излишний пафос, не далеко от истины.

Список литературы

Источники

Автобиографическое письмо Н. С. Соханской к Петербургской приятельнице А. В. Плетневой от 3 ноября 1851 г. // Русский архив. 1885. № 4. С. 631–637 (опубликовано с купюрами).

Аксаков И. С. Кохановская. Некролог // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 12–13.

Бартенев П. И. Н. С. Соханская (Кохановская) (†3 декабря 1884) // Русский архив. 1885. № 4. С. 629–631.

Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.

Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих, пер. с греч. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2004. 427 с.

Письма к А. В. Дружинину (1850–1863). М.: [б. и.], 1948. 423 с.

Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб.: Сенат. тип., 1909. 234 с.

Пономарев С. И. П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская) (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. Т. 39. Июнь. С. 469–479.

Пономарев С. И. Уроки верующего сердца о перенесении горя (Отрывки из писем известной писательницы) // Черниговские епархиальные известия. Часть неофициальная. 1905. № 11. С. 346–354.

Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Т. 49. Январь. С. 277–312.

Псалтырь. М.: Синод. тип., 1901. Л. 14 об.

Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. 600 с.

Соханская Н. С. Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) / со вступ. ст. и под ред. С. И. Пономарева. М., 1896. 193 с.

Соханская Н. С. Уроки верующего сердца о перенесении горя (Отрывки из писем известной писательницы) / сообщ. С. И. Пономарев // Черниговские епархиальные известия. Часть неофициальная. 1905. № 11. С. 346–354.

¹ НИОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 23. Л. 1–1 об.

Исследования

Александрова Л. М. «...вещь удивительная и не раз тронула меня <...> до слез». И. С. Тургенев о Н. Кохановской // Тургеневский ежегодник 2010. Орел, 2011. С. 94–97.

Викторович В. А. Уроки одной судьбы // Коломенский альманах. Коломна, 2018. Вып. 22. С. 235–240.

Вихрова Н. Н. Аксаков и Н. С. Соханская: перипетии художественного взаимодействия // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2017. Сб. 8. С. 467–486.

Кунильский Д. А. Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73.

Фетисенко О. Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 424 с.

References

- Aleksandrova, L. M. "... 'Veshch udivitel'naya i ne raz tronula menya <...> do slioz'. I. S. Turgenev o N. Kokhanovskoi" ["... 'the Work is Amazing and More than Once Touched me <...> to Tears'. I. S. Turgenev about N. Kokhanovskaya"]. *Turgenevskii ezhegodnik 2010* [*Turgenev Annual 2010*]. Oryol, 2011, pp. 94–97. (In Russ.)
- Viktorovitch, V. "Uroki odnoi sud'by" ["Lessons of One Fate"]. *Kolomenskii almanakh* [*Kolomna Almanac*], issue 22. Kolomna, 2018, pp. 235–240. (In Russ.)
- Vikhrova, N. N. "Aksakov i N. S. Sokhanskaya: peripetii khudozhestvennogo vzaimodeistviya" ["Aksakov and N. S. Sokhanskaya: Vicissitudes of Artistic Interaction"]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [*Christianity and Russian literature*], vol. 8. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 467–486. (In Russ.)
- Kunilskii, D. A. "Imya Kokhanovskoi v polemike pochvennikov i slavianofilov" ["The Name of Kokhanovskaya in the Polemics of Pochvenniks and Slavophiles"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (154), 2016, pp. 68–73. (In Russ.)
- Fetisenko, O. L. *Kokhanovskaya: "Stepnoi tsvetok" russkoi slovesnosti. Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoi* [*Kokhanovskaya: "Steppe Flower" of Russian Literature: Texts and Contexts by N. S. Sokhanskaya*]. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2021. 424 p. (In Russ.)